

УДК 355:94 "1939/1945"

К ПОЛЕМИКЕ О ХАРАКТЕРЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

*С.В. Рыбаков, доктор исторических наук, доцент,
профессор Уральского государственного технического
университета, г. Екатеринбург*

Каждая годовщина Победы над нацизмом большинством российских граждан отмечается с высоким эмоциональным подъемом, с решительной готовностью защищать правду об ее неразмненном значении.

Приходится, однако, признать, что есть и те, кто хотел бы исказить и принизить смысл Победы, использовать военную тему для недобросовестных политических спекуляций. Несколько лет тому назад в российской печати прокатилась волна дискредитации Победы СССР в Великой Отечественной войне. Неолиберальная публицистика принялась внедрять в общественное сознание сомнительные мифы о войне, содержащие подчеркнуто негативистский смысл. Если не брать во внимание наиболее абсурдные выдумки, то в перечне этих мифов можно выделить три резонансные «идеи», растиражированные их адептами в качестве аксиом.

Еще в 1990-е гг. весьма широкое распространение получил тезис о «запредельных жертвах» Красной Армии, о том, что «советские вожди завалили врага трупами».

Тогда же настойчиво стало повторяться утверждение о вине Советского Союза за развязывание войны. Некоторые интерпретаторы подхватили версию небезызвестного афериста от истории Резуна-Суворова о том, что СССР будто бы готовился напасть на Германию, но не успел этого сделать, поскольку та

нанесла превентивный, опережающий удар.

Также стало «модным» сводить тему войны к противоборству «двух тоталитарных режимов» или, как вариант, «двух хищников» — Сталина и Гитлера. К внедрению в умы людей сего «концепта» подключилось телевидение, выпустившее на экраны несколько сериалов о войне, подводивших зрителей к мысли, что советские солдаты воевали на «два фронта» — с нацистами и с «бесчеловечным» режимом Сталина.

К середине 2000-х гг. многие историки и педагоги с тревогой заговорили, что дискредитация Победы представляет собой «направленный идеологический взрыв», способный вызвать в обществе, особенно в молодежной среде, тяжелые искривления исторического сознания, эпидемию беспамятства. В 2005 г. среди московских старшеклассников был проведен опрос на тему Великой Отечественной войны. «Литературная газета» вынесла на всеобщее обозрение высказывания наиболее «продвинутых» школьников: «Зачем вообще нужна была победа в той войне? Если бы мы ее проиграли, рынок пришел бы к нам еще тогда, и мы давно уже были бы развитой европейской страной»; «Зачем так называемые герои совершали так называемые подвиги? Зачем партизаны вели себя так глупо и нецивилизованно? Они нарушали правила ведения войны»; «Те, кто в ту войну бездумно защищал

монстров, сейчас почему-то требуют для себя почета, уважения и льгот»¹.

Как бы дико не звучали подобные «импровизации», ясно, что винить в них только молодежь было бы не вполне правильно. Едва ли незрелое сознание воспроизвело бы нечто подобное без «подсказок» со стороны взрослых людей, занявшихся «корректировкой истории». Стремление этих «корректировщиков» опорочить Победу объясняется не только их политической ангажированностью, но и недостатком компетентности и информированности. Раздутый ими миф о принятой советскими вождями стратегии «большой крови» базировался на халтурной методике подсчета потерь Красной Армии, масштабы которых заведомо преувеличивались. Некоторые из интерпретаторов твердили, что боевые потери СССР достигали 30 миллионов человек и потому, дескать, речь надо вести вовсе не об его победе, а об его поражении. С помощью этого мифа они приписали советскому верховному командованию крайнюю жестокость к рядовой солдатской массе и бездарность в управлении страной и армией. Тень была брошена и на советских солдат и офицеров, по своим боевым качествам будто бы уступавшим немцам.

Миф о том, что военное командование СССР добивалось успехов на фронтах исключительно ценой неисчислимых потерь личного состава, сегодня можно считать развенчанным. Благодаря усилиям исторической науки установлено, что безвозвратные потери советских вооруженных сил в годы войны составили 8,668 миллиона человек. Это число вполне сопоставимо с безвозвратными потерями германского вермахта, составившими около 7 миллионов солдат².

На самом-то деле разница в цифрах еще меньше: ведь вместе с вермахтом против советских войск воевали итальянцы, венгры, румыны, финны, которые тоже несли потери, и немалые. Кроме того, нужно учесть, что множество советских военнопленных было

уничтожено в нацистских концлагерях, тогда как немецкие солдаты, попавшие в советский плен, подобной участи избежали.

Что касается версии о «превентивном» характере нападения Германии на СССР, то ее распространителям полагалось бы знать, что она родилась в нацистском министерстве информации и пропаганды. Геббельс, возглавлявший это ведомство, с началом агрессии против СССР заявил, что «фюреру буквально в последний момент удалось опередить большевиков, уже занесших свое оружие над фатерляндом». Эта дезинформация вбивалась в мозги немецких солдат, чтобы повысить их ненависть к «опасному врагу»³.

Развенчать геббельсовское вранье несложно: достаточно обратиться к дневникам самого же Геббельса, в которых он фиксировал «для истории» свои сокровенные мысли. В апреле-мае 1941 г., в разгар подготовки агрессии против Советского Союза, рейхсминистр злорадствовал: «Русская карта уже вне игры. ...Сталин и его люди совершенно бездействуют. Замерли, словно кролик перед удавом. ...Невроз, порожденный страхом!». Никакой угрозы со стороны Красной Армии Геббельс в те дни не ждал: «Сталин учуял, что пахнет жареным, и размахивает пальмовой ветвью. Россия открыто заявляет о своем миролюбии. Это, конечно, радует». Он считал своей задачей «дезинформировать Советы, применяя сильные средства для обмана», а за неделю до вторжения вермахта на советскую территорию ликовал: «Блеф полностью удался! Наша операция готова так, как это только вообще возможно. Собрано столько резервов, что неудача совершенно исключена»⁴.

Боялся Сталин войны с Германией или нет, но факт остается фактом: в Кремле войны с Германией действительно не хотели. Даже осознавая, что война не за горами, Сталин обязан был сделать все, чтобы максимально оттянуть ее начало. Любая иная логика поведения была бы заведомо авантюрой:

к лету 1941 г. Германия, подчинив себе основную часть Западной, Северной, Центральной Европы и Балканы, овладела колоссальными стратегическими ресурсами. Активного сопротивления в континентальной Европе вермахт не испытывал и потому мог сосредоточить против СССР все свои наличные силы. На таком фоне советское руководство не могло позволить себе действий, приближавших начало войны, тем более что модернизация Красной Армии еще не была завершена. Стремясь не дать Гитлеру ни малейшего повода для демарша, Кремль выполнял все обязательства перед Германией, предусмотренные совместными договорами, взвешивал каждый свой внешнеполитический шаг.

Мифы о запредельных жертвах Красной Армии и о вине Советского Союза за развязывание войны, будучи сфабрикованными, «шитыми белыми нитками», изначально были обречены на недолгое существование. Более устойчивым оказался миф о равноценности «двух тоталитарных монстров» — гитлеризма и сталинизма. Сложность в развенчании этого мифа связана с тем, что сталинский режим далек от либеральных критериев, которые в части нынешних средств информации объявлены универсальными для всей человеческой истории.

Недостатки сталинского стиля управления, конечно же, были, но это не дает достаточных оснований ставить знак равенства между Советским Союзом и гитлеровской Германией. Отрицание того, что эти два государства являлись идеологическими антагонистами, было бы грубым отступлением от исторической правды. Совершенно очевидно, что их роли и цели участия во Второй мировой войне не были и не могли быть равнозначными — хотя бы потому, что одна сторона выступила агрессором, а другая вынуждена была защищать себя.

Миф об одинаковой ответственности СССР и Германии за развязывание войны имеет скрытую подоплеку: он

отражает позицию тех политических сил на Западе, которые заинтересованы в ревизии итогов Второй мировой войны. Такая заинтересованность высвечивается в публицистике и исторических штудиях, в заявлениях американских и европейских политиков, в пропагандистских акциях, организуемых западным истеблишментом в пользу означенной ревизии.

В канун 70-летия начала Второй мировой войны одну из таких акций провела Парламентская ассамблея Совета Европы. Она приняла резолюцию, возложившую на СССР и гитлеровскую Германию равную ответственность за развязывание войны и одинаково осудившую обе страны. ПАСЕ, сославшись на то, что война началась через неделю после подписания советско-германского пакта о ненападении, предложила считать 23 августа — день годовщины пакта — «днем памяти жертв сталинизма и фашизма».

Западные политики подвергают этот пакт проклятиям, потому что он до сих пор олицетворяет дипломатический успех Москвы и одновременно крупнейший провал британской дипломатии и геостратегии. «Демократический» пафос, наполняющий означенную резолюцию ПАСЕ, призван закамуфлировать главные цели ее составителей. Если уравнивать СССР с гитлеровской Германией, то, во-первых, окажется, что советские люди ошибались, считая войну Великой Отечественной. Во-вторых, получится, что СССР, в отличие от англосаксонских держав, не входил в число главных борцов против нацизма, а значит и не имел права на статус великой державы (стало быть, не имеет такого права и Россия — правопреемница СССР). В-третьих, выяснится, что система мировых отношений, согласованная лидерами стран-победительниц в Ялте и Потсдаме, нелегитимна, включая и такой ее компонент, как ООН. В-четвертых, напросится вывод, что Россия должна нести ответственность за развязывание той войны и «платить по счетам» всем, кто ей их предъявит.

Нынешняя стратегия Запада направлена на подмену итогов Второй мировой войны итогами «холодной войны», в которой Советский Союз потерпел поражение, выразившееся его распадом.

ПАСЕ хотела бы убедить мировую общественность, что подписание СССР пакта о ненападении с Германией носило преступный характер. Но для этого придется из реальной международной ситуации, сложившейся к концу 1930-х гг., вычеркнуть факты, связанные с попустительством гитлеровской агрессии со стороны британской и французской дипломатии, сдававшей Гитлеру одну позицию за другой. Англичане и французы бездействовали, когда он вводил войска в Рейнскую область, оккупировал Австрию, Чехию, Мемельский край. Реальные шаги для пресечения германской экспансии предлагал только Советский Союз, но в Лондоне и Париже с ним не захотели считаться.

Гитлер, не видя реального сопротивления своим захватническим планам, становился все более наглым и раз за разом добивался того, чего хотел. Апофеозом попустительства ему стала Мюнхенская сделка, обвалившая систему коллективной безопасности в Европе и ставшая тем «спусковым крючком» мировой войны, роль которого «корректировщики истории» сейчас приписывают советско-германскому пакту о ненападении. Мюнхенский сговор стал, по сути, политическим альянсом между Германией и Англией, грозившим СССР не только внешнеполитической изоляцией, но и войной.

Британская дипломатия не для того соглашалась на захват Гитлером Австрии и Чехии, чтобы всего лишь «умиротворить» его. Лондон рассчитывал направить гитлеровскую экспансию против Советов. Что это отнюдь не гипотеза, подтверждают опять же дневники Геббельса, который писал об английском премьер-министре Чемберлене, организаторе Мюнхенского сговора: «Он считал, что настоящий враг Европы — не рейх, а Советский Союз»⁵. А когда после вторжения немцев в Польшу Бри-

тания вынуждена была объявить войну рейху, Геббельс показал, как эта война выглядела в реальности: «На западном фронте настоящая идиллия. ...Удивительнейшая война в истории. Мы были готовы к худшему»⁶.

Политика, проводимая западными державами, толкала Советский Союз на компромисс с немцами. В Кремле знали о человеконенавистнической сущности нацистской идеологии и о захватнических планах нацистского режима. Означало ли это, что Сталин должен был отвергнуть всяческие контакты с этим режимом, пойти на конфронтацию с ним? Нужно ли было «чистоту идейных риз» ставить выше безопасности советского народа? В сложившейся ситуации такой подход был бы неразумным. У СССР появился шанс отсрочить начало войны, и воспользоваться им было насущной жизненной необходимостью. Резерв времени нужен был для перевооружения и технического переоснащения армии.

Те, кто демонизирует советско-германский пакт о ненападении, не видят или намеренно обходят вниманием очевидные факты: до определенного момента тема подписания пакта не имела для Советского Союза особой остроты, поскольку общей границы с Германией у него не было. Ситуация стала ускоренно меняться по мере нарастания напряженности в отношениях Германии с Польшей, когда стало ясно: дело идет к войне между ними и, если вермахт завоеует Польшу, то выйдет к советским границам.

К августу 1939 г. нападение Германии на Польшу стало неотвратимым. Помочь полякам могло создание коалиции с участием Англии, Франции и СССР. В Москве велись переговоры английской, французской и советской военных делегаций. Условием заключения антигитлеровского договора являлось согласие Польши пропустить через свою границу Красную Армию для боевых действий против вермахта, но польская верхушка отказалась от такого шага, заявив, что «никогда не позволит

русским занять те территории, которые Польша забрала у них в 1921 г.»⁷. Отказ Польши пропустить советские войска для ее же защиты привел к срыву переговоров между СССР, Англией и Францией. Советский Союз оказался перед выбором: остаться в изоляции или пойти на заключение пакта с Германией. В Кремле выбрали то, что больше соответствовало интересам страны, что в тот момент хоть как-то обеспечивало ее безопасность.

Понятно, что, подписывая пакт, гитлеровцы преследовали собственные цели, далекие от миролюбия в отношениях с СССР. Пакт нужен был им, чтобы всей германской мощью обрушиться на европейские страны, овладеть их ресурсами, после чего форсировать подготовку к нападению на Советский Союз. Поведение нацистской верхушки определяли оперативно-тактические пасьянсы. Ни о каком «честном партнерстве» и тем более об «искренней дружбе» с большевиками они не помышляли. Сразу после нападения на СССР Геббельс отметил в дневнике: «Сотрудничество с Россией являлось пятном на нашей чести. Теперь оно будет смыто. Фюрер говорит: правдой или неправдой, но мы должны победить. А когда мы победим, кто спросит нас о методе? У нас и без того столько всего на совести, что мы просто обязаны победить, иначе будем стерты с лица земли»⁸.

Подписав с Советами пакт о ненападении, гитлеровцы относились к нему как к прикрытию далеко идущих стратегических целей и намерений. Разумеется, они скрывали свое истинное отношение к Советскому Союзу. Лишь Геббельс по многолетней привычке доверял дневнику свои тайные мысли: «У фюрера нет для Москвы ничего, кроме презрения. Россия всегда будет нам чужда. Сообщество недочеловеков... Нам придется изгнать эту азиатчину из Европы, загнать ее в Азию, где ее настоящее место. Однажды нам придется рассчитаться с Россией»⁹.

Уже через пять дней после разгрома Франции Гитлер приказал разработать

план вторжения вермахта на советскую территорию, а из ведомства Геббельса полились потоки дезинформации. 18 июня 1941 года он поведал в дневнике: «Маскировка в отношении России достигла кульминации. Мы наполнили мир потоком слухов, так что самому трудно разобраться. Наш новейший трюк: мы намечаем большую мирную конференцию с участием России»¹⁰.

Ложь была орудием подготовки гитлеровцев к войне против СССР, ложь стала инструментом порабощения советского народа. После начала войны в занятых немцами регионах «промывка мозгов» велась безостановочно. Верхушка рейха рассчитывала привлечь на свою сторону тех, кто пострадал от классовых чисток, раскулачивания, ущемления прав по политическим или иным мотивам. Частично расчеты нацистов осуществились: во многих оккупированных городах и селах им удалось создать полицейские службы из местного населения; были сформированы эсесовские дивизии на Западной Украине и в Прибалтике; был проведен набор во власовскую армию. Однако эти факты вполне согласуются с тезисом о патологической лживости нацистов, которая проявлялась сплошь и рядом, особенно — в разыгрывании «национальной карты».

Гитлеровцы сделали ставку на разжигание межэтнических конфликтов и сепаратизма среди народов Советского Союза, которым обещали «освобождение от большевистского ига». Их ухищрения дали результаты: в Крыму, на Украине, в Прибалтике, в отдельных местах Кавказа проявился коллаборационизм. Но суть в том, что нацисты никому дарить суверенитеты не собирались. Об этом ясно свидетельствует один из документов министерства восточных территорий, в котором говорилось: «Горцы по натуре очень доверчивые. С ними работать легче, чем с другими национальностями. Нам надо хорошо вооружить местных бандитов, передать им важные объекты до прихода германских войск. Когда Грозный,

Малгобек и другие районы будут в наших руках, мы сможем установить на Кавказе оккупационный режим, а когда в горах наступит спокойствие, всех горцев уничтожим»¹¹.

В секретных директивах Гитлера подчеркивалось, что Прибалтика, Крым, Поволжье напрямую войдут в состав Третьего рейха. Уже в июле 1941 г. он заявил о необходимости выселить из Крыма все местное население, чтобы сделать полуостров «немецкой Ривьерой». Солдатам и офицерам, отличившимся на Восточном фронте, выдавались лицензии, по которым они после войны должны были получить имения и виллы в Крыму или в Прибалтике¹².

При всей идеологической неприимости нацистов к большевизму, их главной целью было уничтожение нашей страны, выталкивание ее из истории. Они замахивались не столько на большевизм, сколько на историческое бытие народов Советского Союза. Война против СССР изначально планировалась как война на уничтожение. Задолго до восточного похода вермахта Геббельс записал в своем дневнике: «Нам не нужны эти народы, нам нужны их земли»¹³. Тем, кто уравнивает СССР с нацистской Германией, следует напомнить: нацисты «вдохновлялись» доктриной расового превосходства германцев над остальным миром. Объявив другие народы «неполноценными» и «второсортными», они присвоили себе «право» истреблять их. План «Ост», разработанный под руководством таких фанатиков нацизма, как Гиммлер и Розенберг, содержал «квоты» и «разрядки» по ликвидации или радикальному сокращению народов СССР. К реализации этого людоедского плана гитлеров-

цы приступили с первых же дней войны, массово расстреливая мирных жителей, тысячами сжигая села и деревни, строя лагеря смерти.

На фронтах и в тылу советские люди отстаивали главную человеческую ценность — возможность жить на Земле. Они понимали: проиграть эту войну им нельзя. Мужество и героизм в борьбе со зловещим врагом были проявлены представителями всех народов СССР — русскими, украинцами, армянами, осетинами, белорусами, евреями, башкирами, казаками, чувашами и многими другими. Особенного восхищения в дни кровопролитных боев с гитлеровской армией заслужили сыны Татарстана, среди которых более двухсот тысяч были награждены орденами и медалями, а две с половиной сотни самых храбрых из них стали Героями Советского Союза.

В сознание и советских людей, и граждан нынешней Российской Федерации Великая Отечественная война вносит большой букет глубоких смыслов, где кроме идеологического есть не менее важные смыслы — пространственно-геополитический, культурно-цивилизационный, религиозно-метафизический. Несмотря на неисчислимые лишения и трудности войны, Победа над нацизмом воспринималась и продолжает восприниматься в нашей стране как преодоление вселенского зла, как торжество высшей правды. Поползновения тех, кто хотел бы принизить значение подвига, свершенного нашими дедами и отцами в Великой Отечественной войне, должны восприниматься как показатель нравственной ущербности и интеллектуальной недостаточности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сараскина Л. Вечно проклятое прошлое // Литературная газета. — 2005. — 13–19 апреля.

² Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь: новейшее справочное издание. — М., 2009.

³ Цит. по: *Ржевская Е.М.* Геббельс: портрет на фоне дневника. — М., 1994. — С. 300.

⁴ Цит. по: *Ржевская Е.М.* — Указ. соч. — С. 247, 250–259, 263, 301.

⁵ *Геббельс Й.* Дневники 1945 г. Последние записи / пер. с нем. — Смоленск, 1998. — С. 171.

⁶ Цит. по: *Ржевская Е.М.* – Указ. соч. – С. 212.

⁷ Цит. по: *Широкорад А.Б.* Давний спор славян: Россия, Польша, Литва. – М., 2007. – С. 716.

⁸ Цит. по: *Ржевская Е.М.* – Указ. соч. – С. 264.

⁹ Там же. С. 222, 225, 234, 235.

¹⁰ Там же. С. 267.

¹¹ У истоков правда одна // Грозненский рабочий. 1989. 2 февраля.

¹² *Ржевская Е.М.* – Указ. соч. – С. 293, 326.

¹³ Там же. С. 211.

Аннотация

В последние годы профессиональные историки объединяются с целью не допустить ревизии итогов Второй мировой и Великой Отечественной войн, которая неизбежно приведет к умалению значения великой Победы, принижению решающего вклада Советского Союза в разгром гитлеризма. Настоящая статья посвящена развенчанию сомнительных мифов о войне, наиболее активно внедряемых в общественное сознание в последние годы.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Великая Отечественная война, Победа советского народа, ревизия итогов войны, мифы о войне.

Summary

Recently professional historians have united not to allow the revision of the results of the Second World War and the Great Patriotic War which is sure to lead to derogation of the significance of the great Victory, humility of key contribution of the Soviet Union to the defeat of Hitlerism. This article is devoted to discrediting doubtful myths about the war, which have recently been introduced in the public consciousness.

Key words: the Second World War, the Great Patriotic War, victory of the Soviet people, revision of the results of the war, myths about the war.